

руг была сплошная пустыня без растительности. Я поняла тогда, что живу в раю», – вспоминает она. После паломничества поступила в высшее религиозное учреждение города Казани – медресе «Мухаммадия», где, проучившись 2 года, получила профессию преподавателя основ ислама и арабского языка. Должность, которую она занимает, называется «Абыстай» – преподаватель при медресе.

У Гульфариды Вагаповны две дочери, обе замужем, есть внуки. Дети одной из дочерей крещенные. На наш вопрос, не является ли это препятствием в общении с ними, она ответила, что несколько – «Каждый человек имеет право выбрать ту религию, которая ему по душе, такой выбор личное дело каждого, в него никто не имеет права вмешиваться. Я сужу людей по их делам и поступкам, а не по религиозной принадлежности, часто прощаю их ошибки, ведь люди есть люди...»

Общение с этой мудрой женщиной многое для меня прояснило, я поняла, что ислам не настолько непримиримая религия, какой я всегда ее считала, а мусульмане не сильно отличаются от христиан, и здесь как нельзя лучше подходят слова моей героини – «Люди есть люди...»

Хотелось бы надеется, что надолго останется в памяти студентов и школьников эта встреча, позволившая узнать, какие ценности наполняют жизнь мусульманина, что заставляет мусульман в наш бурный век быть покорными и противостоять различным соблазнам, какую мудрость несет в себе этот народ. Ведь уникальность Оренбуржья заключается именно во взаимообогащении народов, его населяющих.

*Т.Л. Кузнецова  
(Сыктывкар)*

### **Современная коми эротическая повесть**

Наряду с тенденцией, утверждающей духовные основы любовных отношений, в современной коми прозе развивается линия, исследующая физические аспекты любовных чувств (повести В. Тимина «Белый туман», 2002; В. Напалкова «Я тебя люблю», 1992; «Прости меня, женщина», 1993; «Прощай», 1995; «Ягодный месяц август», 1996; «Крест без покойника», 1997; В. Куратова «Любимого сердце выбирает», 1998 и др.).

Развитие эротических мотивов в литературе связано и с кризисными явлениями в культуре постсоветского общества. Являя собой односторонность освещения отношений человека с миром как одну из характерных черт переходного периода, эротическая проза выражает особенности умонастроений и мировосприятия современного общества. Литература, переживающая глубокий кризис, не вполне способна выработать целостный взгляд на мир. Именно в эротических мотивах, когда «одной из отличительных особенностей нашего времени становится переход от монокультуры к многомерной культуре»<sup>1</sup>, нашло выражение тяготение современной литературы к сближению с масскультурой.

Цикл повестей В. Напалкова (семантически близкие, названные повести органично формируют цикл: вполне справедливо отмечено

исследователями, что «автор массовой литературы, если он хочет быть востребованным рынком, практически «обречен» на серийность»<sup>2)</sup> однобоко рассматривает проблемы отношений мужчины и женщины: внимание автора сконцентрировано на описании физической любви. В его повестях доминирует стремление рассказать нечто чрезвычайно занятное, приоткрыть завесу, скрывающую запретное, привлечь внимание читателя<sup>3)</sup>. Природа художественной ткани произведений писателя имеет особенности, способствующие тому, чтобы завладеть вниманием читателя. И весьма ценное замечание Ю. Тынянова о том, что «сказ вводит в прозу не героя, а читателя»<sup>4)</sup>, характеризует и особенности творческой манеры коми прозаика. На наш взгляд, повествование Напалкова неумолимо сближается со сказом (думается, имеет смысл вести речь о неких трансформированных формах сказа). Утверждение в литературе нового героя (видимо, весьма близкого самому автору), связанного с иными, отличными от прежних, мировоззренческими установками, а также отказ от изображения духовных аспектов жизни, концентрация внимания на житейской, бытовой ее сфере нарушает сложившуюся литературную традицию. Преобладание житейской логики, приземленно-бытовой взгляд на жизнь неизменно облачают повествование в разговорную, устную форму. Стремление писателя занять, развлечь читателя, увлекательно изложить бывальщину так же сообщает повествованию установку на устную речь. Эффект незримого «соучастия» автора, его духовного единства с героями необъяснимо придает повествованию элемент импровизации. Думается, со сказовой природой повествования Напалкова связана и натуралистическая убедительность изображения. Повествование Напалкова близко тому типу, о котором М.Бахтин писал: «И рассказ, и даже чистый сказ могут утратить всякую условность и стать прямым авторским словом, непосредственно выражающим его замысел»<sup>5)</sup>.

Гедонистические устремления формируют некий пафос изображения, связанный с ценностными, концептуальными воззрениями автора. Однако утверждаемое автором чувство здоровой радости – радости плотских утех, преимущественно находя формы выражения в тиражировании подобных сцен, не наполняется семантической глубиной. Думается, верно отмечено исследователями, что «литератор тиражирующий – первая разновидность писателя-беллетриста»<sup>6)</sup>: произведениям Напалкова свойственны черты беллетристичности. И замечание В.Г.Белинского о том, что повесть весьма удобный жанр для писателей беллетристического таланта<sup>7)</sup>, характеризует и особенности творческой манеры В. Напалкова: повесть стала жанровой формой, в которой органично выразились его художественные поиски.

Мораль гедонизма, которая, как утверждают исследователи<sup>8</sup>, вкупе с натурализмом составляет философско-этическую основу массовой культуры, во многом определяет мироотношение героя цикла повестей Напалкова, и вполне справедливые слова о том, что «в мире гедонистически ориентированной культуры именно он, смелый и дерзкий, неутомимый потребитель наслаждения, становится героем»<sup>9</sup>, можно отнести и к персонажу цикла повестей Напалкова (цикличность повестей, связанная и с однородностью характеров героев, позволяет вести речь о едином герое).

В повестях Напалкова находит выражение отмечающаяся исследователями тенденция «... к феномену крайнего снижения, опрощения эротических отношений героев, предельной их прозаизации»<sup>10</sup> (так, в картины, изображающие моменты интимной близости героев, прозаик неоднократно вкрапливает аналогии с эпизодами жизни животных). Нарочитый отказ от изображения духовных аспектов любовных чувств, конечно, упрощает и даже примитивизирует поэтику В. Напалкова: справедливо утверждение литературоведов о том, что «эстетика массовой литературы взывает к подсознательным человеческим инстинктам, видит в искусстве лишь компенсацию неудовлетворенных желаний»<sup>11</sup>. Обращаясь к табуированным ранее аспектам, концентрируя внимание на изображении интимной жизни героев, В. Напалков прибегает к натуралистическим краскам. Поэтика эротического связана с тягой к натуралистическому воспроизведению сцен интимного характера, подробному их описанию; это обуславливает определенную стилистическую напряженность текста. Повести В. Напалкова развивают в современной коми прозе эротическую линию, организующую особый стилевой пласт: тематика, столь необычная для коми литературы, определила и некоторые особенности лингвистических аспектов поэтики. Натурализм писателя сродни природе неонатуралистической волны начала «перестройки»; подобные формы принимает протест против принятого советской литературой табуирования. Напалков утверждается как автор, снимающий табу с определенной темы.

И все же цепь бесчисленных приключений, что влекут за собой героя повестей Напалкова – это бег по кругу (возникают ассоциативные связи с поставленным в 1979 г. студией «Мосфильм» по сценарию А. Володина кинофильмом «Осенний марафон»: в художественном решении, найденном Напалковым, так же, как и в метафоре Володина, заключена определенного рода тупиковость мировоззренческих установок героя), в очередной раз свидетельствующий о глубококом духовном кризисе, который переживает наш современник – россиянин рубежа веков. Собственно, герой цикла повестей писателя, захлебнувшись в протесте, в той же степени беспомощен, как и пресловутый «соцреалистический миф» (термин Н. Лейдермана и

М. Липовецкого), ибо в своем порыве он так же не адекватен реальности. Неонатурализм, выплеснув на страницы произведений обилие эмпирического материала, сказал свое слово; нынче назревает период более глубокого осмысления жизни. Бесконечные, неутолимые поиски героя Напалкова, своего рода «замкнутое» движение, оформляющееся в цикл – своеобразное выражение апокалиптических ощущений: это, собственно, явление зашедшегося в крике ужаса, предвещающего неотвратимое наступление трагического конца лика. Видимо, есть доля истины в замечании критика Н. Елисеева о том, что «экзистенциальная тема, перекочевав в «низовую жанр», приобрела черты даже не абсурда, а какого-то торжествующего кощунства»<sup>1 2</sup>.

Развивая «новое» течение в современной комической прозе, В. Напалков стремится ввести в его поэтику элементы занимательности, связанные в основном с сюжетобразующими средствами. Так, изложение многочисленных любовных историй в повести «Прощай», в сущности, принимает форму авантюрно-приключенческого сюжета. А в повести «Волк и Вероника» (1992) автор соединяет эротические мотивы с элементами детектива (совершение преступления, неожиданные повороты сюжета, в определенных разделах повести – напряженное, быстрое развитие действия). Автором создан нетрадиционный композиционный рисунок: в качестве экспозиции – сцена из финального действия, обещающая захватывающее развитие интриги. Вполне справедливо отмечено, что «литературная порнография типологически близка к детективу»<sup>1 4</sup>.

Таким образом, в эротической повести нашли выражение противоречия времени, обусловившие опыт художественных поисков современной прозы.

### Примечания

<sup>1</sup> Черняк М.А. Современная русская литература. СПб., М., 2004. С. 12–13.

<sup>2</sup> Черняк М.А. Массовая литература конца XX века // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы. СПб., 2002. С. 342.

<sup>3</sup> Думается, имеет смысл указать на некоторые из многочисленных выступлений прозаика в прессе, где он указывает на значимость того обстоятельства, чтобы литература привлекала внимание читателя, завоевывала его: Напалков В.Е. Дауртгысь пу дыр оло (Скрипучее дерево долго живет) // Коми му. 2001. 10 февр. № 18 (16067). С. 3.; Строитим коммунизм, а воим... (Строили коммунизм, а пришли...) // Коми му. 1999. 16 дек. № 149–150 (15888–15889). С. 4.; Найо олопы менам памятьын (Они живут в моей памяти...) // Коми му. 1999. 22 апреля. № 48–49 (15787–15788). С. 11.

<sup>4</sup> Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 160.

<sup>5</sup> Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 221.

<sup>6</sup> Гурвич И. Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // Вопросы литературы. Май, 1990. С. 120.

<sup>7</sup> Белинский В.Г. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова // Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М., 1982. С. 364.

<sup>8</sup> Воронцов Б.Н. Феномен массовой культуры: этико-философский анализ // Философские науки. 2002. № 3. С. 114.

<sup>9</sup> Мальцева А.П. Сексуальный маляк как герой культуры и культурный герой // Человек. 2000. № 4. С. 124.

<sup>10</sup> Колобаева Л.А. Русский эрос: философия и поэтика любви в романе начала и конца XX в. // Вестник МГУ. Серия Филология. 2001. № 6. С. 60.

<sup>11</sup> Ловкова Т. Массовое и «элитарное» в картине современного чтения. // Звезда. 1996. № 12. С. 226.

<sup>12</sup> Елисеев Н.Л. Мыслить лучше всего в тупике. Кое-что об экзистенциальных мотивах в нашей литературе // Новый мир. 1999. № 12. С. 201.

<sup>14</sup> Новиков В. Бедный эрос // Новый мир. 1998. № 11. С. 185.

*О.Н. Леконцев  
(Глазов)*

### **Национально-культурное строительство в Вотской области в годы нэпа: достижения и проблемы**

Образование Удмуртской автономии почти совпало с переходом к нэпу. 4 ноября 1920 г. М.И. Калинин и В.И. Лениным был подписан декрет ВЦИК и СНК об образовании Вотской автономной области со столицей в г. Глазове (с лета 1921 г. – в г. Ижевске). Впервые удмурты вошли в национально-государственное объединение, в рамках которого появилась возможность более высокими темпами развивать социально-экономическую, культурную, национальную сферы.

Однако само по себе образование автономной области не решило даже части проблем. Она находилась на территории отсталого сельскохозяйственного края, в котором был такой промышленный гигант как Ижевск, в новых условиях создававший больше проблем, чем преимуществ.

Крестьянство было разорено и утомлено военными действиями. Поголовье крупного и рабочего скота резко уменьшилось. Посевная площадь сократилась с 658.511 десятин в 1916 г. до 216.022 в 1922 г.<sup>1</sup> Кустарная и местная промышленность большей частью разорилась и почти не работала.

Вдобавок ко всему, в регионе, как и по стране в целом, в начале десятилетия сложилась неблагоприятная климатическая обстановка. В Вотской области в тяжелом положении находились все уезды, из-за неурожая голодало две трети населения.

Серьезные проблемы возникли с уровнем развития удмуртов. Основная часть удмуртского населения по-прежнему проживала в деревне, занималась сельским хозяйством и кустарными промыслами. Удельный вес рабочих - удмуртов был мал. Так, в 6 предприятиях Обместхоза – Валамазском, Сергиевском, Шарканском, Дебесском, Голышурминском заводах, Госфабрике всех рабочих числилось к 1 января 1926 г. 973 чел., из них удмуртов 103 челове-